

Александръ Эдуардовичъ Сабекъ.

(1864—1909).

Александръ Эдуардовичъ Сабекъ родился въ 1864 году 27-го марта въ Кіевской губ., въ мѣстечкѣ Борщаковкѣ, гдѣ отецъ его, германскій подданный, служилъ садовникомъ. Здѣсь протекли первые годы дѣтства до 5 лѣтъ; потомъ родители его переѣхали въ Кіевъ, гдѣ года 3 спустя мальчикъ поступилъ въ приходскую школу, а вскорѣ затѣмъ перешелъ въ харьковскую гимназію. Въ Харьковѣ онъ поселился у родственниковъ; въ этомъ городѣ заканчиваются школьные годы Александра Эдуардовича, вплоть до окончанія имъ Харьковского технологическаго института.

Ученіе въ гимназіи шло не важно и съ четвертаго класса мальчикъ, почувствовавшій большую склонность къ естественнымъ наукамъ и рисованію и питавшій отвращеніе къ древнимъ языкамъ, рѣшилъ оставить гимназію и перешелъ въ реальное училище, гдѣ рассчитывалъ удовлетворить свои стремленія.

Въ школьномъ возрастѣ маленькій Сабекъ отличался склонностью къ шалостямъ неиннаго характера. Однажды, будучи уже инженеромъ, зашелъ онъ по какому-то дѣлу въ свою гимназію и былъ удивленъ словами инспектора, при которомъ онъ учился, отвѣтившаго на его вопросъ: „Какимъ образомъ вы меня помните“?—„Да какъ же не помнить, кажется, нѣтъ угла, въ которомъ бы вы не стояли“?.

Реальное училище Александръ Эдуардовичъ окончилъ хорошо, несмотря на то, что во время прохожденія курса содержалъ не только себя, но и помогалъ родителямъ, зарабатывая средства уроками.

Съ ранняго школьнаго возраста онъ отличался любовью къ рисованію; за свои рисунки онъ получалъ награды; альбомы рисунковъ Александръ Эдуардовичъ тщательно сохранялъ и иногда, при случаѣ, показывалъ своимъ знакомымъ. Рисунки эти сохранились до сихъ поръ у вдовы покойнаго.

Мечтой кончающаго реалиста было поступить въ художественные классы; но родители его были стары, онъ былъ ихъ единственной опорой, а жизнь художника считалась мало обезпеченной. Поэтому, послѣ борьбы и колебаній, Александръ Эдуардовичъ поступилъ сначала въ ветеринарный институтъ, но по открытіи въ Харьковѣ технологическаго института перешелъ въ послѣдній.

Увлечение рисованіемъ вызвало, погидимому, у студента Сабекъ увлечение архитектурой. Строительнымъ дѣломъ, практикой, покойный занялся рано и долго работалъ подь руководствомъ преподавателей Харьковскаго технологическаго института—архитектора Нѣмкина и академика Бекетова.

Въ теченіе всего времени студенчества родители покойнаго жили на его средства, такъ какъ его отецъ уже не могъ работать. Увлечение архитектурой приносило въ это тяжелое время значительныя матеріальныя выгоды, доставляя хорошій лѣтній заработокъ. Однако, отдавая время на уроки и иные заработки, Александръ Эдуардовичъ не упускалъ и своихъ занятій въ институтѣ; онъ былъ постоянно въ числѣ первыхъ, окончилъ курсъ съ отличіемъ и былъ записанъ на мраморную доску.

Но такая усиленная работа не могла не отозваться на здоровьѣ и по окончаніи института Александръ Эдуардовичъ заболѣлъ нервнымъ расстройствомъ. Только оправившись немного, онъ поступилъ химикомъ на свеклосахарный заводъ, но черезъ годъ перешелъ помощникомъ мастера на Роганскую фабрику оберточной бумаги; вскорѣ онъ получилъ приглашеніе отъ Дитятковскаго товарищества на Паненковскую писчебумажную фабрику того же товарищества. На этой фабрикѣ Александръ Эдуардовичъ пробылъ 2½ года, затѣмъ занялъ мѣсто технического директора на Успенской писчебумажной фабрикѣ близъ г. Тюмени.

Жизнь на фабрикѣ въ качествѣ руководителя производства, по воспоминаніямъ покойнаго, была полна интереса, но зато была полна и чрезмерной, утомляющей и бьющей по нервамъ работы. Особенно, принимая во вниманіе мягкій, гуманный характеръ покойнаго и большую довѣрчивость къ людямъ, не трудно представить себѣ массу непріятностей и всякаго рода неожиданностей при постоянномъ соприкосновеніи съ заводскими рабочими.

На сколько покойный былъ остороженъ къ чужой репутаци, можно видѣть изъ инцидента, имѣвшаго мѣсто еще въ технологическомъ институтѣ въ Харьковѣ.

Однажды студенты устроили вечеръ, однимъ изъ кассировъ котораго былъ студентъ N, заподозрѣнный въ бытность его реалистомъ въ кражѣ галошъ. При подсчетѣ вырученной съ вечера суммы обнаружено было несоотвѣтствіе между ею и слѣдуемой по количеству проданныхъ билетовъ. Началось разслѣдованіе и кто-то вспомнилъ о подозрѣнці, павшемъ на реалиста N; этого было достаточно для зарожденія новаго, болѣе тяжкаго подозрѣнія, быстро перешедшаго въ безусловное обвиненіе. Товарищи студенты отшатнулись отъ г. N и Александру Эдуардовичу пришлось положить не мало стараній, чтобы доказать несостоятельность обвиненія и примирить г. N съ его товарищами.

Справедливое и гуманное отношеніе покойнаго къ окружающимъ замѣчалось не только на школьной скамьѣ, но и во всю его жизнь: на

фабрикахъ онъ пользовался симпатіями рабочихъ, будучи профессоромъ, принималъ живое и теплое участіе въ дѣлахъ своихъ учениковъ.

Еще будучи студентомъ, покойный охотно и легко отдавался преподавательской дѣятельности въ качествѣ постоянного репетитора въ пансіонахъ.

Склонность къ этой дѣятельности побудила его адресоваться въ отдѣлъ Промышленныхъ Училищъ при Министерствѣ Народнаго просвѣщенія съ просьбой предоставить ему мѣсто преподавателя въ средней технической школѣ. Директоръ Харьковскаго технологическаго института, В. Л. Кирпичевъ, къ которому обратился отдѣлъ Промышленныхъ училищъ за отзывомъ объ Александрѣ Эдуардовичѣ, указалъ, что въ виду необходимости профессоровъ для предполагаемаго къ открытію Томскаго технологическаго института, слѣдуетъ командировать А. Э. за границу, какъ выдѣляющагося въ институтѣ своими способностями.

Въ 1898 году А. Э. получилъ отъ Отдѣла Промышленныхъ училищъ заграничную командировку на два года, которая затѣмъ была продолжена еще на одинъ годъ.

По возвращеніи изъ командировки, покойный все время до самой смерти занималъ кафедру минеральной технологіи въ Томскомъ технологическомъ институтѣ. Много силъ и энергіи пришлось положить ему на устройство лабораторіи и на всю постановку учебнаго дѣла по своей спеціальности, такъ какъ приходилось все создавать.

Отдаленность Томска отъ культурныхъ центровъ Россіи и теперь еще вызываетъ у ученыхъ нѣкоторую непріязнь къ нашему отдаленному сибирскому очагу инженерныхъ наукъ; кафедры не были заняты и въ то время, какъ многія изъ нихъ пусты и теперь. Недостатокъ работниковъ вызывалъ у наличнаго персонала переутомленіе, вслѣдствіе перегрузки занятіями, такъ какъ всѣ работы приходилось распредѣлять между меньшимъ числомъ участниковъ. Это испыталъ и Александръ Эдуардовичъ; онъ читалъ лекціи, велъ многочисленныя практическія занятія и даже вынужденъ былъ браться за посторонній заработокъ, такъ какъ къ тому вынуждала матеріальная необеспеченность, дороговизна томской жизни и необходимость помогать роднымъ, которыхъ онъ поддерживалъ до послѣднихъ дней. Непосильная работа быстро свела въ могилу талантливаго человѣка и неутомимаго работника на поприщѣ отечественной технической науки.

Будучи еще въ заграничной командировкѣ, покойный случайно занялся анализомъ нѣкоторыхъ русскихъ глинъ. Эта работа дала большую пищу для мысли и все остальное время Александръ Эдуардовичъ посвятилъ вопросу изученія физическихъ и химическихъ свойствъ глинъ. Результатомъ изученія глинъ за границей явилась работа по веденію рациональнаго анализа ихъ *). Эта работа вызвала критику со стороны проф.

*) Beiträge zur Kenntnis der rationellen Analyse der Tone.

Земятченскаго, которая побудила А. Э. заняться дальнѣйшей разработкой вопроса, тѣмъ болѣе, что проф. Земятченскій оспаривалъ нѣкоторые положенія, принятыя Александромъ Эдуардовичемъ. Судьба судила иначе и покойный не успѣлъ опубликовать изслѣдованіе занимавшаго его вопроса. Уже только посмертнымъ изданіемъ выходитъ трудъ, подготовленный имъ самимъ для напечатанія въ Извѣстіяхъ Томскаго технологическаго института.

Скончался проф. Александръ Эдуардовичъ Сабекъ 26 іюня 1909 г. въ г. Познани въ клиникѣ, куда онъ былъ отправленъ для лѣченія мѣстными врачами.